

Глава 1

Аглая в изумлении смотрела на только что вывороченный лопатой ком земли: то, что перед ней останки человека, а никак не животного, ей стало ясно с первого взгляда. Аглая испуганно отряхнула землю с лопаты и обернулась на звук шагов. «Берта! Как не вовремя... Значит, находку скрыть не удастся», — с досадой подумала она, помахав идущей к ней дочери.

— Мам, вот ты где! Что делаешь? — Берта подошла совсем близко. — Ого! Вот это сюрприз... Твоя работа? Закопала или откопала?

— Берта! Как ты можешь! — От обиды на дочь у Аглаи выступили слезы. Вот всегда так — ляпнет не подумав...

— Мам, ты только сейчас не делай поспешных выводов, — услышала Аглая спокойный голос Берты. — Он пролежал здесь не меньше двадцати лет, точнее может сказать только судмедэксперт.

— Почему он? Может быть, это — она?

— Он — потому, что труп. Или скелет, как уж назовешь. Полицию ты вызовешь или мне набрать?

— Какая полиция, дочь? — испуганно вскинулась Аглая, внутренне холодея. — Прикопаю обратно...

— Ну, ты, мам, сказала... это — статья 316 УК РФ... Соккрытие преступления, если особо тяжкое, срока давности не имеет, могут и притянуть за соучастие. А вдруг труп спрятали, когда ты уже жила здесь?

— Не могло такого быть, я бы знала! Да и кто бы это мог сделать? Убить, а потом тело прятать. Даже не думай, убийц в доме точно никогда не водилось. При мне, по крайней мере. Хозяин, сама знаешь, больной лежал, отец твой как-то крысу не смог лишить жизни, а уж человека тем более! Нет, ну взбрело мне в голову именно в этом углу этот чертов вишневым прутик воткнуть?! Выбросила бы, и вся недолга, — подосадовала Аглая, косясь на дочь. — Берта, может все-таки...

— Мама! Я звоню в полицию. — Дочь отошла в сторону.

Аглая подумала, что беспокойная ночь с тревожными снами плавно перешла вот в такое неприятное хмурое утро, и чего же тогда ожидать от самого дня, если не крупной пакости. В мыслях почему-то промелькнул образ нового соседа, странного мужика, который вчера приходил знакомиться. Странность была в том, что Федор Николаевич, как он представился (фамилию Аглая не расслышала, так как пробормотал он ее невнятно, проглотив не только окончание, но и едва выдохнув первую букву: то ли «Н», то ли «М»), в дом войти отказался наотрез. Сунув ей в руки саженец вишни, он, аккуратно наступая на каждую плитку дорожки, прошел к бесед-

ке, не спрашивая разрешения сел на скамью и замер. Дорожку эту не так давно Аглая выложила сама: тротуарной плитки было в обрез, она чередовала ее в шахматном порядке с квадратами газонной травы. Получилось бы неплохо, если бы трава между плитками за два дождливых дня, сменивших изнуряющую жару, не вымахала ей по колено. На днях Берта, увидев плоды дизайнерских усилий Аглаи, обидно осудила ее старания... Смотреть, как высокий плотный мужик, видимо боясь замочить светлые брюки (трава была еще мокрой), передвигается по клеточкам, словно играя в детские «классики», было смешно. Аглая усмехнулась, но улыбку с лица убрала, как только встретилась взглядом с обернувшимся к ней незнакомцем.

Федор Николаевич молча смотрел из-за закрытых век. Аглая уже решила, что он ждет от нее каких-то вопросов или действий, может быть, предложения выпить чаю, но тут услышала: «Расскажите-ка мне, Аглая Андреевна, как вам живется в этом поселке?» «По-разному, — осторожно ответила она и все-таки добавила: — А может быть, чаю?» — «Увы, некогда. М-да... хотел по-быстрому обстановку в данном населенном пункте разведать, раз уж мне здесь жить... придется. Но вижу, время выбрал неудачно — поздно уже... А вы вишенку-то воткните завтра где-нибудь в уголочке сада, сорт не знаю какой, но сказали, что вкусная ягода будет. Ну, проводите меня скорее, а то слишком большой искус задержаться на часок-другой. Уютно у вас, ухожено». Аглая не нашлась что на это ответить, молча поднялась и вышла из беседки. «Дружить будем

по-соседски, а, Аглая Андреевна?» — повернулся к ней незванный гость, когда Аглая уже хотела закрыть за ним калитку. «Мм... ну... да», — выдавила она из себя, натянуто улыбнувшись и подумав: «Чур меня...»

— Мам, ты меня вообще слушаешь? Я говорю, пойдем пока в дом, прохладно. — Берта плотнее запахнула ветровку и натянула на голову капюшон. — Что это тебе приспичило дерево сажать в такую рань? Восьми еще нет. Кстати, откуда прутик? Ты на рынок ездила?

— Сосед принес, — нехотя ответила Аглая.

— Да ты что! У нас, наконец, улицы оживают? А надолго он к нам, не сказал? Жить будет или так, на время заселился? Сколько лет мужику, не спросила? Он хоть представился? — закидала ее вопросами дочь.

— Федор Николаевич. Фамилию не разобрала...

— Как это?! — Берта остановилась и с подозрением посмотрела на мать. — А переспросить? Нет? Не удосужилась? Я так понимаю, пустила чужого мужика в дом...

— Не пошел он в дом, отказался! — разозлилась на себя Аглая, признавая правомерность последующей выволочки от дочери за беспечность. Не раз уже получала от Берты с тех пор, как дочь переехала в центр города, так и не уговорив мать закрыть дом и занять одну из комнат ее новой квартиры. Не скажешь же дочери, что зятя невзлюбила... «Ну, не то чтоб невзлюбила, но жить с ним... это чересчур... да...» — уже в который раз подумала она, то ли убеждая себя, то ли мысленно оправдываясь перед Бертой.

— Интересная складывается картина... — Берта резко остановилась и обернулась к ней. — Появляется некто, назвавшись соседом, дарит деревце, ты копаешь землю, чтобы воткнуть саженец, и находишь чьи-то старые кости.

— Дочь, ты можешь выразаться не так цинично, все же там останки человека!

— Ой, мам, ну какая разница! С темы не съезжай, тебе что, странной такая цепь событий не показалась?

— Ты сейчас договоришься до того, что это сосед когда-то закопал в нашем саду труп. Собственно-ручно. А сейчас вдруг решил проверить — не украли его? Для этого вишенку и подарил. Фу, глупость какая.

— Согласна. Но что-то не так с этим Федором... как его?

— Николаевич... А ты что вдруг в рабочий день ко мне? Я тебя в выходные ждала, — запоздало всполошилась Аглая.

— Я поживу у тебя пока, ладно? — отвела взгляд в сторону Берта.

— Устали друг от друга? — спросила Аглая, получилось, как ей показалось, немного с сарказмом, она смутилась. — Прости... Машину в гараж загни, в город-то не поедешь сегодня?

— Поеду, в два суд. Ксюшка разводится, я у нее адвокатом. Попросила, я отказать не смогла, подруга детства все же. Уговорила ее пойти на мировое соглашение.

«С такой подружкой врагов не нужно», — подумала Аглая, зная об однокласснице дочери больше, чем сама Берта.

...Детей из поселка в городскую школу возил микроавтобус. И только одноклассницу Берты Ксению Голод — «Мерседес», управляемый личным водителем отца. Впрочем, факт, что известный ресторатор Глеб Валентинович Голод — действительно биологический отец девочки, подвергался сомнению не раз. Уж очень непохожей на него была Ксюша. Но поскольку маму ее никто никогда без макияжа и окрашенных в разные цвета волос не видел (возможно, на самом деле это она была обладательницей смоляных кудрей), то разговоры на тему отцовства возникли и стихали на том же вопросе, оставшемся без ответа. Аглаю же волновало лишь то, что капризная и своенравная девица выбрала в подруги ее дочь. Настойчиво напрашиваясь в гости, к себе в дом Ксения Берту не приглашала. За годы учебы ее дочь так и не узнала, как живет «подруга»...

Берта ушла в дом, Аглая же осталась на веранде. Вчерашние тучи, обещавшие дождь, но так и не выдавшие ни капли влаги, угнал в сторону гор северный ветер. Накануне он, точно хулиган разметав по двору скошенную Аглаей траву, холодком проник в открытые окна, отчего в доме всю ночь было свежо. И если бы не тревожные сны, ей, наконец, удалось бы выспаться. Аглая жила на юге двадцать пять лет, а привыкнуть к душному жаркому лету, которое начиналось уже в мае, у нее так и не получилось. Возможно, она бы рискнула вернуться в свой город на Волге, если бы не обещание Дмитрию дожидаться его здесь. Умом понимая, что это бессмысленно — каждый вечер с бьющимся от волнения и надежды сердцем заглядывать в почтовый ящик, надеясь най-

ти там письмо, открытку или записку, на худой конец, Аглая упорно выходила за калитку, ключом отмыкала маленький висячий замочек и заглядывала внутрь ящика. Но после того как она отказалась от подписки на газеты, все чаще находила там лишь рекламные листовки. «Агуша, ты только живи здесь, не уезжай. Я переиграю их, слышишь. Пусть через несколько лет, но переиграю. И тогда я смогу вернуться. Ты сразу найдешь в почтовом ящике весточку. Дождешься?» — шептал он ей, прижимая к себе так сильно, что она запомнила из этой последней встречи только эти слова и боль его объятий. Аглая потом долго гадала, кто такие эти загадочные «они». И ждала той самой весточки. Сама порой не понимая зачем ждет...

Аглая подложила в самовар щепки и еловые шишки, с помощью кирзового сапога раздула огонь. К чаю «с дымком» ее приучил муж.

«Намутил-таки всерьез любимый Олежек или терпение у Берты закончилось? Ведь не расскажет ничего, можно и не спрашивать. Интересно, она вещи забрала? Если все, то ушла от него надолго. Или навсегда? И мне непонятно — почему из собственной квартиры всегда бежит она, а не выгоняет его?» — Аглая вопросительно посмотрела на дочь, которая застыла в дверях, словно раздумывая, не вернуться ли в дом.

— Расскажу позже. Да, мам, Олег накосячил. Да, не прощу. Знаю, ты предупреждала. Закрыли тему? — Аглая пожала плечами. — Я не завтракала, кстати, а ты и не спросила, — обиженно заметила Берта.

— В холодильнике оладьи, разогрей. Чаю налью. Хочешь кофе, свари сама, — спокойно отозвалась Аглая, понимая, что на самом деле укоризненный взгляд дочери относится не к теме завтрака. Не нравится ей, что мать уже в который раз просчитывает шаги зятя наперед. Полгода назад Берта уже возвращалась домой. «Вещи не торопись раскладывать по полкам, твой муж вечером за тобой примчится. А ты его простишь, дурочка», — предупредила она тогда дочь и быстро покинула комнату Берты, чтобы не слышать ее гневных возражений...

— Добрая ты, мам... а я тебе вообще родная? Или к порогу подбросили? — спросила Берта вроде бы в шутку, но Аглая насторожилась. Что? Что она как мать делает или говорит не так?

— С чего вдруг такие вопросы? Завтракать не предложила? Так ты здесь такая же хозяйка, как и я. Не в гостях ты здесь, дочь, а дома...

Берта, ничего не ответив, ушла.

«...Ты меня не любишь! Заставлять ребенка стирать руками носки бесчеловечно! Каждый день я их тру, тру!» — кричала ей восьмилетняя Берта, слизывая слезы со щек и натирая хозяйственным мылом пятку белого носка. «Так у тебя их три пары, а в школу ты ходишь пять раз в неделю», — спокойно объясняла ей она. «Так купи еще носков... нет, носков... три пары, нет, четыре», — уже тихо просила дочь, а Аглая едва сдерживалась, чтобы не сорваться. Ну не может она сейчас ничего купить! В кошельке только мелочь на хлеб, а до получения выплаты по договору еще неделя. И просить она не умеет...

Аглая смотрела на дочь, которая с тарелкой разогретых блинчиков вышла на веранду. Красота Берты была броской, яркой. Контраст волос цвета колоса пшеницы и темно-коричневых, почти черных бровей и ресниц не мог не притянуть взгляд. В школьные годы ее светлая кожа, тронутая на щеках нежным румянцем, летом покрывалась слабым загаром — Берта обычно забывала наносить защитный крем. Благодаря этому в сентябре она не так сильно выделялась среди одноклассников, которые на каникулах каждые выходные ездили с родителями к морю и первого сентября приходили в школу загорелыми почти до черноты. Аглая же море не любила, заразив этой нелюбовью и дочь. Сейчас Берта старательно пряталась от солнечных лучей, но на лице все равно стали появляться мелкие веснушки, почти сливавшиеся с тоном кожи...

— Вкусно? Садись. — Аглая кивком указала на стул. — Ты не ответила на мой вопрос, Берта.

— Не бери в голову, мам. Конечно, я не подкидываю, знаю. Расстроена в хлам, вот и ляпнула...

— Ну, да... ляпнула... а я думай чем не угодила.

— Прости... О! Полисмены пожаловали. — Берта с высоты веранды смотрела в сторону забора. — Аж две машины. Впусти их, мам, я хотя бы оладушки доем.

— Зря ты их вызвала! Проблем теперь не оберешься, — с вновь вернувшейся досадой произнесла Аглая и, не оглядываясь, пошла к калитке.

— Здравствуйте, Аглая Андреевна. Жаль, что продолжение нашего знакомства происходит при таких неприятных обстоятельствах. Представлюсь

вам по-новому. Старший следователь Следственного комитета, майор юстиции Мутерперель Федор Николаевич. Ну, показывайте, что вы там на огороде откопали.

«Вот она, крупная пакость. Мне только сосед-мента не хватало. И так полжизни как за колючей проволокой. То есть за высоким забором. Только и слышала от мужа: молчи, не знакомься, избегай расспросов... Лев умер, а привычка прятаться от людских глаз осталась. И страх никуда не ушел. А теперь и надзиратель есть свой, личный. Участок Мутерпереля на пригорке, наш двор — как на ладони. Ох ты ж... засада! Как же я не подумала — он мог видеть, как я труп откопала!» — сообразила Аглая, шагая впереди нового соседа.

Глава 2

Она чувствовала его взгляд затылком — майор отставал от нее всего на шаг-другой, спасибо, что не наступал на пятки. Аглая сама не понимала, почему так раздражена: дочь, как бывало довольно часто в последнее время, вновь оказалась разумнее ее в принятии решения. Радоваться бы, что Берта наконец повзрослела, от ее затянувшегося подросткового самодурства Аглая подустала, но смутное беспокойство о дочери не давало порой заснуть полночи. И ладно бы, если б тревога была беспочвенной. На следующий день выяснялось, что Берта накануне получила очередную порцию унижений от мужа. Нет, дочь никогда не жаловалась, но оправдывать его по-

ведение стала все же реже. То, что причиной всех ее бед, метаний, слез и даже застопорившейся карьеры является Олег Крушилин, бизнесмен без дела, склонный к бабским истерикам красавчик с нежными чертами лица, выращенный бабушкой, матерью и старшей сестрой эгоист, Аглая не сомневалась. И еще она была абсолютно убеждена, что брак ее дочери и «Олежека», как с детства его называли в домашнем бабьем царстве, заключен был по какому-то глупому недоразумению, ошибке небес — перепутали что-то там ангелы-хранители Берты, подсунили не того мужчину, которого и мужчиной можно назвать с натяжкой. Именно подсунили ее девочке, рано потерявшей отца, так и не узнавшей, как это — когда тебя берегут и балуют просто потому, что любят... «О чем думаю?» — вдруг спохватилась Аглая и оглянулась: вереница не улыбочивых мужчин тянулась за ней строго по плиточной дорожке, ведущей в конец огорода. Ни один не свернул на грядки. Замыкала молчаливое шествие Берта.

Кивком указав место раскопок, Аглая отошла в сторону. В этот угол огорода она наведывалась считанные разы, впервые — на следующий день после свадьбы: муж решил показать ей все уголки хозяйских владений. Тогда она думала, что уж точно не станет возиться в земле. Аглая родилась и выросла в центре Риги, никаких дачных участков у их семьи не было, отпуска родителей семья проводила в Юрмале. Аглая так и не смогла привыкнуть к гальке и булыжникам на пляжах южного побережья именно потому, что с тоской вспоминала нежный песочек цвета перьев канарейки на рижском взморье...